

ЭТНОПЕДАГОГИКА: ГЕНДЕРНЫЕ СТАНДАРТЫ МАСКУЛИННОСТИ

Л. Х. Урусова

ETHNOPEDAGOGICS: GENDER STANDARDS OF MASCULINITY

L. H. Urusova

Цель статьи – рассмотреть стереотипы маскулинности в адыгской этнопедagogике. Доминантная этногендерная модель маскулинности проявлялась в воспитании личностных качеств и поведенческих особенностях. Трансформация этногендерной модели маскулинности ограничена рамками полового диморфизма.

The paper aims at considering the stereotypes of masculinity in Adyg ethnopedagogics. The dominant ethnogender model of masculinity manifested itself in developing personal qualities and behaviour features. Transformation in the ethnopedagogical model of masculinity is limited by the scope of sexual dimorphism.

Ключевые слова: гендер, маскулинность, маскулинная гендерная роль, мужское воспитание.

Keywords: gender, masculinity, masculine gender role, men's upbringing.

Проблема гендерных стандартов в этнопедagogике вызывает сейчас острые споры. Консервативно настроенные исследователи и публицисты считают единственным "спасением" от девиантности гендера и полоролевой бинарности современности – возврат к "естественным", традиционным формам проявления. Однако главным основанием научного спора можно признать проблему актуальности исторически сложившихся моделей маскулинности и феминности в современных условиях жизни.

Взаимозаменяемость представителей мужского и женского пола в сфере их жизнедеятельности дает основание ряду ученых пренебрегать их изучением. Формирование гендерной идентичности происходит под влиянием социокультурных факторов, в частности, культурных традиций и гендерных стереотипов, сложившихся в разных этнических группах. Так, адыгская этнопедagogика позволяет разграничить дифференциацию пола весьма четко. В адыгском обществе социальные стандарты были связаны с социальными статусами его членов. И дифференцированное воспитание детей диктовалось их общественным положением. Гендерная этнопедagogика адыгов связана с половозрастной сегрегацией, при которой учитывается не только пол и возраст индивида, но и психологические особенности той или иной категории [2]. Противоречия между объективными потребностями педагогической практики в дифференцированном воспитании и недостаточной разработанностью выделенной проблемы в современной педагогической науке актуализируют ее в полной мере. При том, что нет специальных исследований по проблемам маскулинности в адыгской этнопедagogике, а есть лишь разрозненные размышления исследователей: Б. Х. Бгажнокова (адыгский этикет), М. Г. Загазежева (этнокультура адыгов), М. О. Косвен (аталычество), Р. А. Мамхеговой, Ш. Б. Ногмова, Я. С. Смирновой (народное воспитание), С. Х. Мафедзева (детская социализация), Б. Бгажнокова и А. Мирзоева (адыгская этика, нормы рыцарского этикета), Ю. Ю. Карпова (мужские объединения и союзы) и т. д. Мы попытаемся восстановить доминантную модель настоящего мужчины и выяснить, что представляла собой этногендерная мо-

дель маскулинности в адыгском этнопедagogическом пространстве.

Исследование концепта маскулинности необходимо начать с понятия "гендер". В настоящее время существует множество трактовок этого понятия. Толкование и использование самого понятия «гендер» весьма различно как у западных, так и у российских исследователей. В научном языке "гендер" употребляется в узком и широком смыслах: узкий сосредоточен вокруг анализа женской субординации, широкий употребляется для описания социальных характеристик пола в отличие от биологических. Интерпретация понятия "гендер" зависит от той исследовательской парадигмы, в рамках которой изучаются отношения гендера. Гендер показывает, что наряду с биологическими характеристиками пола существуют и оказывают значительное влияние на личность социальные характеристики: социальные нормы, роли, статусы, стереотипы, установки, правила поведения, психологические особенности. То есть, гендер создается социальной практикой, социальными стереотипами, нормами поведения людей в различных сферах жизнедеятельности, предписывая выполнение определенных социополовых ролей [4].

В адыгской этнопедagogике существуют определенные маскулинные этнокультурные стереотипы. История сохранила и передала нам образ адыгского мужчины, обладающего красотой, мужеством, доблестью, преданностью Родине и постоянную, непреходящую озабоченность судьбой народа. Адыгский мужчина был ответственным прежде всего за судьбу своего народа. Личные планы у него никогда не выступали впереди общественных. По-другому и не мыслился образ адыгского мужчины.

Общепринято, что маскулинность занимает особое место в этнопедagogическом пространстве адыгов. Маскулинность, в понимании адыгов, это не только проявление физической силы, выносливости, воли, ловкости, умения и т. д., но и наличие моральных качеств, связанных с устойчивой нравственной позицией. В качестве наивысшей похвалы в адрес адыгского мужчины можно было услышать – "настоящий мужчина", что означало – "обладает мужеством". Страх,

боль, усталость, голод, холод преодолеваются благодаря мужеству. И в основе маскулинности лежит мужество. Помимо храбрости, отваги, воинской доблести и чести в смысловом значении категории "мужества", адыги считали важным и наличие моральных качеств: справедливости, мудрости, щедрости, человечности, рассудительности, справедливости, широту души, великодушие.

Семантика слова "мужество", ее тесная связь с понятиями совести, чести, благородства как нельзя лучше отображается в народных суждениях: "Настоящий мужчина не хвастается своими делами"; "Настоящий мужчина – хозяин своего слова"; "Настоящий мужчина не жалеет о дареном"; "Истинный мужчина не учиняет расправу над слабым"; "Истинный мужчина не обижается". Мужество, как явствует из сказанного, сплав собственно волевых и моральных качеств.

Маскулинность проявлялась и в особенностях воспитания мальчиков. Суровая бытность адыгов предписывала особую физическую форму тела с высокой выносливостью и тренированностью, необходимой во время состязаний, военных действий, танцев и пр. Воспитание маскулинности у адыгов проявлялось в методах и средствах: убеждение, упражнение, авторитет, поощрение, приучение, пример; потешки, считалки, пословицы, поговорки, загадки, эпические сказания, легенды, предания и мифы. Если девочка баловалась, капризничала, вела себя упрямо, то ей каждый раз напоминали: «Ты же девочка», что означало проявлять послушание, уступчивость, аккуратность и др. Если мальчику говорили: «Ты же мальчик» или «он же мальчик», то под этим подразумевалось допущение ими какой-либо шалости, баловства, порой некоторой грубости, упрямства, неряшливости. Таким образом, мальчикам, как правило, легче прощались их угловатость, неумелость, неорганизованность. Но мальчик, как можно в более раннем возрасте, должен был обнаруживать твердость духа, ловкость, верность долгу. Разница в требованиях к мальчикам и девочкам проявлялась в определении понятия «терпение». Если для мальчиков, молодых людей и мужчин оно связано большей частью с преодолением физической боли, то для представительниц прекрасного пола это означало проявление мягкости женского характера, уступчивости, такта и т. д. [5].

Социальное разделение мужчин и женщин в адыгском обществе привело к дифференциации их коммуникативного поведения. «Мужчина, использовавший в своей речи элементы женского языка, воспринимается как женоподобный, а женщина, в устах которой звучат слова и выражения мужского языка, оценивается как мужеподобная, вульгарная [3]. Сказанное относится особенно к междометным словам. Совершенно недопустимы в речи мужчин женские междометия, выражающие удивление, сожаление, досаду. Что касается неречевых компонентов общения, то здесь дифференциации были подвержены в первую очередь приветственные движения и жесты [3].

Внешний облик в определении маскулинности был не менее важным внутреннею состояния и одеж-

да в данном случае, имела символический смысл. Так, головной убор являлся важным элементом адыгского мужского гардероба. Если мужчина совершил недостойный поступок, то он был "не достоин носить шапку". А если же, на поле боя воин показал свою трусость, то на него надевали женский платок, и тем самым клеймили его как немужчину. Если в роду умирал уважаемый мужчина, то говорил "Род остался без шапки". Об овдовевшей женщине говорили, "осталась без покровителя". То есть, социальные роли мужчины были определены как главы семьи, воина и защитника, и соответственно, выработка необходимого спектра качеств: мужества, терпимости, верности (слову, фамилии и т. д.), уважения (к старшему, к женщине, к противнику, к слабому), хладнокровия, сдержанности.

Набор критериев идеальных маскулинных качеств содержится в Нартском эпосе адыгов. Так, в сказании «Как Орзамес раздал три камня» представлен сюжет, определяющий три критерия мужественности. Это храбрость (мужество), воздержанность в пище, благородство в отношении к женщине. Старейший в собрании нартов сообщает: «Три камня дорогих мы имеем. Один острее меча разящего, другой еду угодную приносит, лучшую женщину добыть поможет третий оселок» [1, с. 164].

Подобно данному мифологическому сказанию этногендерную маскулинность адыгов можно представить тремя компонентами. Храбрость можно выделить первым компонентом маскулинности, всегда входивший в определение мужественности. Однако своеобразии адыгского проявления храбрости сочетается с таким качеством как скромность, иначе оно лишается своего истинного значения. И храбрость, основанная на благоразумии и опыте. Вторым компонентом адыгской маскулинности можно считать – умеренность. Обладание чувством меры считалось поистине высшим проявлением мужественности. Причем, умеренность эта проявлялось во всем, в чревоугодии, в проявлении чувств, в терпении к слабому и т. д. Третьим критерием идеального мужчины считалось наличие особого, уважительного отношения к женщине. О довольно высоком положении женщин в адыгском обществе свидетельствуют их роли, статус и место в обществе. Нормы поведения, принятые в адыгском этикете: принцип почитания женщин; помощь женщине в беде; женщина могла приостановить любые действия мужчин; обычай вставать при виде женщин; запрет на крик, ругань, сквернословие в присутствии женщины и т. п., свидетельствуют лишь о наличии у адыгских мужчин третьего компонента мужественности.

Большим оскорблением для мужчины, если его одали эпитетами «трус» и «женщина». «Нужно знать адыга, чтобы понять, какой страшный смысл имеют для него эти слова, и теперь, при прогрессивном развитии мирных наклонностей: эти два роковых слова способны двинуть его на самые опасные и безумные поступки; для того чтобы не удостоиться быть названным трусом и женщиной, он готов жертвовать решительно всем, не исключая и жизни» [3].

Изменение традиционных маскулинных стереотипов – естественный результат современности. Хо-

тим мы этого либо нет. Смешение традиции и современности всегда влечет за собой ложные истины. И как правило, изменение и обновление традиции происходят очень быстро. При этом одни преувеличивают, а другие преуменьшают степень изменений.

Трансформация этногендерной модели маскулинности ограничена рамками полового диморфизма. Перевоспитания мужчин по единому образцу также невозможно, как и создание "нового человека". Тем не менее, мир явно становится все более разнообразным.

Литература

1. Гадагатль А. М. Память нации. Генезис эпоса «Нарты». Майкоп, 1997.
2. Мафедзев С. Х. Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов. Нальчик, 1991.
3. Урусова Л. Х. Женское воспитание в адыгской этнопедагогике. Традиции и современность: монография. Нальчик: Тетраграф, 2012. 160 с.
4. Урусова Л. Х. Модели гендерного воспитания в этнокультурном пространстве адыгов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Вып. 2(58). Т. 1. С. 115 – 117.
5. Урусова Л. Х. Адыгский этикет: коды гендерного поведения // Ценности и смыслы. М.: Институт эффективных технологий. 2013. № 5(27). С. 118 – 128.

Информация об авторе:

Урусова Лаура Хабаловна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, г. Нальчик, lauraurusova@gmail.com.

Laura H. Urusova – Candidate of Pedagogics, Senior Lecturer at North-Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редколлегию 23.09.2014 г.